

УДК 81'367.52 + 81'42 + 811.512.212
DOI 10.17223/18137083/62/15

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН, Москва

Порядок слов (глагол и прямой объект) в устных рассказах на эвенкийском языке

Современный эвенкийский относится к языкам с нежестким порядком слов, в которых глагол может как следовать за прямым дополнением (OV), так и предшествовать ему (VO). Проанализированные нами контексты позволяют выявить характерные для каждого из порядков (OV и VO) факторы, которые делают предпочтительным или обязательным тот или иной вариант. Данные анализа свидетельствуют о том, что порядок (S)OV не следует считать для современного эвенкийского языка (по крайней мере, в устном варианте) однозначно исходным: мы приводим контексты, в которых выбор порядка OV или VO определяется дискурсивными характеристиками в широком смысле, а не только факторами актуального членения. Порядок VO следует трактовать как маркированный, альтернативный порядку OV.

Ключевые слова: порядок слов, устная речь, нарратив, фокусирование, коммуникативное выделение, коммуникативная структура, эвенкийский язык.

Введение

Языков с варьирующимся порядком слов в предложении достаточно много (см. [Testelec, 1998; Vilkuna, 1998; Holmberg, 2000; Göksel, 2013; Zimmerling, Lyutikova, 2015; Kiss, Asztalos, 2016] и др.). Такое варьирование порядка основных членов предложения – подлежащего, сказуемого, дополнения – затрудняет описание синтаксической системы языка и его структурно-типологическую характеристику. Мы рассмотрим эту проблему на материале полевых записей современного эвенкийского языка¹.

---

¹ Мы будем использовать корпус устных рассказов (Малые языки Сибири, <http://siberian-lang.sgcc.msu.ru/>), эвенкийская часть которого создана Е. Л. Клячко на основе экспедиционных материалов группы О. А. Казакевич 2005–2011 гг.

Рудницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН (ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; erudnitskaya@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 1
© Е. Л. Рудницкая, 2018

Традиционно эвенкийский язык, как и другие алтайские языки (см. [ЛЭС, 1990, с. 28]), считается языком типа SOV. Это отмечают как исследователи тунгусо-маньчжурских языков вообще [Суник, 1947, с. 48–49], так и исследователи эвенкийского языка, в частности [Колесникова, 1966, с. 177; Nedjalkov 1997, p. 126].

Однако реальные отклонения от порядка OV были зафиксированы уже в устных рассказах начала и середины XX в. Так, Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 142–143; 1948, с. 79, 101] отмечает, что в литературном эвенкийском языке, который был создан в 1920-х – 1930-х гг. на основе непского, а затем полигусовского говора, глагол обычно следует после дополнения и обстоятельства (как это зафиксировано в языках с жестким порядком SOV, таких как японский и корейский). В устных же текстах почти всех говоров (илимпийский, сымский, подкаменно-тунгусский и др.²) жесткий порядок не соблюдается: дополнение или обстоятельство могут занимать позицию после глагола.

Это же подтверждают неопубликованные тексты, записанные Е. П. Лебедевой в 1952 г., в которых прямой объект в большинстве случаев (но не всегда) стоит перед глаголом, а косвенный объект и обстоятельство, при наличии в предложении прямого объекта, часто стоят после глагола (Лебедева, 1952)³. Л. Гренобль, основываясь на полевых данных, испытывала затруднения при определении базового порядка слов и выборе между SOV и SVO [Grenoble, 2000, p. 107–108].

Некоторые исследователи эвенкийского языка [Колесникова, 1966, с. 180–186; Константинова, 1968, с. 84; Nedjalkov, 1997, p. 126 et sqq.] объясняют отклонения от базового порядка слов влиянием фразового ударения или коммуникативной структуры предложения. И. В. Недялков предлагает использовать трансформации, изменяющие базовый порядок слов [Nedjalkov, 1997, p. 126–138], например, топикализацию (перемещение или постановка слова или составляющей в начало предложения или их перенос в конец предложения). Он также рассматривает фокусирование (или эмфазу⁴) без изменения порядка слов, например, посредством

² Эвенкийский язык – это множество говоров (см. [Василевич, 1948; 1958; Мыреева, 2004]). С литературным эвенкийским языком эти говоры отождествлять нельзя. В эвенкийско-русских словарях Г. М. Василевич и А. Н. Мыреевой есть пометы относительно употребления заглавного слова в том или ином говоре. Современные говоры делятся на северное и южное наречие (СН и ЮН). Первое примерно соответствует илимпийским говорам Г. М. Василевич, а второе – непскому, подкаменно-тунгусскому, сымскому говорам. В примерах мы для точности также фиксируем говоры, принятые в отдельных селах, см. примеч. 6. В настоящий момент подавляющее число носителей говорят на СН; чисто синтаксические различия между СН и ЮН практически отсутствуют.

³ Тексты Е. П. Лебедевой относятся к ЮН или к СН в зависимости от происхождения рассказчика; полевые материалы О. А. Константиновой, В. Д. Колесниковой, И. В. Недялкова относятся к ЮН.

⁴ Согласно [Розенталь, Теленкова, 1976], эмфаза – это эмоциональное или коммуникативное выделение или усиление какого-то фрагмента речи через интонацию, повтор, инверсию или другие средства языка. И. В. Недялков использует термин «эмфаза» (*emphasis*) в основном в применении к категориям коммуникативной структуры: маркировка топика (темы) предложения, особенно контрастной темы, фокуса (ремы), в том числе контрастно-го, и вообще для коммуникативного выделения слова или составляющей. Следующий пример иллюстрирует эмфазу на объекте (О) с помощью повтора.

(i)	<i>hokto-wə</i>	<i>baka-Ø –m</i>	<i>hokto-wə</i>
	дорога-ACC	найти-NFUT-1SG	дорога-ACC
	(Надежда, потерявшись, долго блуждала по лесу и вышла на дорогу) ‘Дорогу нашла, дорогу.’		
	(2007, Полигус, ЮН, Хадончина Надежда, LR1, 00:04:09.411).		

присоединения фокусных клитик $=d\bar{V}$ и др. (инвентарь фокусных клитик представлен в [Nedjalkov, 1997, p. 126–138]) или частицы *alə* ‘FOC/только’ [Ibid., p. 128].

Материал устных рассказов предоставляет исследователю возможность проследить в связном тексте зависимость порядка слов именно от факторов коммуникативной структуры (топик/тема, фокус/рема, контрастный топик или фокус, фоновая информация и т. п.), поскольку пред- и постконтекст ясно видны в этих рассказах⁵. Ограничивая наше исследование анализом синтаксической группы «глагол + (прямое) дополнение», постараемся выявить контексты (зависящие не только от факторов актуального членения), в которых предпочтительно наблюдается порядок OV, и контексты, в которых наблюдается порядок VO. Во втором случае мы не претендуем на исчерпывающее описание контекстов в связи с плотным характером исследования.

Предварительный обзор материала, позволил нам предположить, что, по крайней мере, в устном дискурсе в определенных жанрах (прежде всего рассказ) мы имеем дело с порядком SVO, где все предложение – нерасчлененная рема или VO – фокус/рема. Эти случаи не укладываются в систему, предложенную И. В. Недялковым и другими ранее упомянутыми авторами, в которой постглагольная позиция предназначена только для фоновой информации при фокусировании глагола, или – в более поздних текстах – для фокусирования О.

Анализируя материал устных рассказов, можно отметить, что есть такие конструкции, в которых порядок OV нейтрален. Они будут рассмотрены в § 1. В § 2 мы рассматриваем нейтральный порядок О и V в рассказе (нарративном тексте). Здесь порядок VO встречается в трех случаях:

(1) при фокусировании глагола, тогда V – фокус, а О – известная из предконтекста (фоновая) информация (что отмечалось исследователями);

(2) VO контрастивно выделяется, (S)VO – фокус/рема – тут порядок VO нельзя считать производным от OV, поскольку он наблюдается в тех контекстах, где вся группа (S)VO подвергается воздействию факторов дискурса (как правило, это ответ на вопрос, начало повествования или не относящаяся к основной линии повествования информация);

(3) О контрастивно выделяется – это заимствование из русского, см. примеч. 11 и § 2.

В § 3 будут рассмотрены случаи VO, связанные с меньшей степенью сохранности разных говоров⁶ и языковой компетенции у менее пожилых носителей:

В примерах шифры типа LR, LR1, FM2 и т. п. указывают на рабочие названия рассказов в корпусе (в случае, если у одного рассказчика два или более рассказа). Цифры типа 00:04:87.115 – являются временными точками, соответствующими началу приводимых предложений в акустической записи. Кроме того, мы выделяем полужирным те слова или морфемы, о которых говорится в пояснениях к примеру и на которые следует обратить особое внимание.

⁵ В устных рассказах мы имеем дело не с порядком слов в предложении как единице языка, а с порядком слов в высказывании как единице речи. Логично было бы согласиться с мнением, что порядок слов в высказывании, будучи обусловлен коммуникативными факторами, может существенно отличаться от порядка слов в предложении как единице языка. Однако мы придерживаемся иной точки зрения: мы считаем, что коммуникативная структура – это один из модулей языка, ее нельзя рассматривать как просто какие-то правила, влияющие на порядок слов в речи, – тем более что коммуникативная структура характерна как для устной, так и для письменной речи. До конца мы не можем прояснить этот вопрос, однако считаем, что коммуникативная структура характеризует предложение как единицу языка, а не только как единицу устной речи.

⁶ Согласно [Рудницкая, 2016а; 2016б], по материалам рассказов корпуса «Малые языки Сибири» лучше всего сохранились говоры сел Полигус (ЮН), Ванавара (ЮН), Эконда (СН), Чиринда (СН). Неплохо сохранился эвенкийский язык в Хантайском Озере (СН),

это рассказы, в которых больше заметно влияние русского языка [Grenoble, 2000, p. 106–108], встречаются кодовые переключения и целые фрагменты русской речи. В этих рассказах «непроизводный» порядок VO встречается чаще, чем в рассказах на более «чистом» эвенкийском языке. Так, в текстах, записанных в селах Эконда и Чиринда (СН) или Полигус и Стрелка (ЮН) от пожилых носителей, эвенкийский язык сохранился лучше; в Туре (СН) или Белом Яре (ЮН) более заметно «обеднение» (употребление ограниченного числа морфологических показателей и морфосинтаксических конструкций) эвенкийского языка, соответственно в этих рассказах чаще встречается порядок VO.

1. Конструкции с нейтральным порядком OV

Согласно [Ibid., p. 107], нейтральным является порядок VO в императивной конструкции, вопросе и в придаточном предложении. Мы рассмотрим только главные предложения. На материале нашего корпуса в императивной конструкции (наш материал противоречит выводу В. Д. Колесниковой [1966, с. 181]) и в отрицательной конструкции с неопределенным местоимением [Константинова, 1964, с. 138–139], где О – такое местоимение, часто маркируемое частицей $=dV$, предпочтителен порядок OV.

В императивной конструкции влияние дискурсивных факторов на глагол или на прямое дополнение проявляется относительно редко и сохраняется базовый порядок OV:

- (1) а. *oro-r-wo* *haŋi-s-kāt* [OV]
 олень-PL-ACC следовать-INCEP-IMP.1PL(IN)
 ‘Давайте следом за оленями пойдем!’ [императив]
 (2005, Полигус, ЮН, Хадончина Надежда, LR1, 00:02:45.342)
- б. *amu-r-wa-n* *ičə-nō-kəl* [OV]
 навоз-PL-ACC-PS.3SG видеть-PRGRN-IMP.2SG
 ‘На навоз иди посмотри.’ [императив]
 (2007, Стрелка, ЮН, Андреева Светлана, LR8, 00:01:44.050)

В следующем примере императив употребляется два раза подряд: в нейтральном контексте (2, а) и повторно в (2, б), поскольку автор высказывания (Любовь Еремина, Хантайское Озеро, СН) забыла, что нужно сделать. В (2, б) она вспоминает, что нужно сделать: глагол *gir-kal=kə* ‘вырезать-IMP.2SG=FOC’ маркируется фокусной частицей $=kə$ (см. [Рудницкая, 2016]) и предшествует объекту *an-jə* ‘это-PART’, а не следует за ним: в этом контексте представлен инвертированный порядок слов, допустимый при фокусировании V или О или при эмпазе вообще, что отмечается в литературе: [Колесникова, 1966, с. 185; Константинова, 1968, с. 84; Nedjalkov, 1994, p. 8]. Затем Любовь вспоминает, что именно нужно вырезать; соответствующие имена (‘бумага’, ‘брезент’) – это уточнения к *an-jə* ‘это-PART’. Эти уточняющие имена в устной речи встречаются часто. Они образуют обособленную уточняющую группу (в наших примерах она отделяется знаком ||)

Стрелке (ЮН). Кроме сымского говора (ЮН, Сым и Белый Яр), обеднение грамматических средств и кодовые переключения встречаются в рассказах из поселков Тура (СН), Кислокан (СН), Тутончаны (СН). Рассказы, записанные в селах Совречка (СН), Большое Советское озеро (СН), Муторай (ЮН), Суринда (ЮН), очень короткие (или их мало), так что трудно сделать определенные выводы относительно говоров этих поселков.

и формально не входят в саму императивную конструкцию⁷. См. аналогичные примеры (3, в) и (4, б).

- (2) а. *‘aŋ-ja o-kəl’* *gun-ə-n* [OV]
 это-PART сделать-IMP.2SG сказать-NFUT⁸-3SG
 ‘Это самое сделай! – она сказала.’
 (2011, Хантайское Озеро, СН, Еремина Любовь, 00:09:28.145)
- б. *‘gir-kal=kə aŋ-ja ||* [VO]
 вырезать-IMP.2SG=FOC это-PART
*[bumagə-ja birežəntə-jə]*⁹
 бумага-PART брезент-PART
 ‘Вырежи-ка этого самого, бумаги, брезента!’
 (Там же, 00:09:30.503)

Рассмотрим отрицательные предложения. В (3, а) *ə-wa=da* ‘что-ACC=FOC’ является прямым дополнением (О) и маркируется винительным падежом (который может опускаться у слов отрицательной полярности), а также частицей *=dV̄*. Заметим, что неопределенное местоимение в отрицательной конструкции занимает предглагольную позицию, не являясь прямым дополнением, как в (3, б). Если сравнить (3, а) и (3, в), видно, что позиция именной группы – прямого объекта – достаточно свободная: имя может находиться как в начале предложения, будучи темой, так и после глагола, являясь фоновой информацией или образуя уточняющую группу, а неопределенное местоимение стоит перед отрицательным глаголом *ə-* или перед отрицательным причастием (3, г), т. е. неопределенное местоимение занимает предглагольную позицию.

- (3) а. *...ə-wa=da ə-ŋnə-Ø-m ńəkə-rə* (OV)
 что-ACC=FOC NEG-НАВ-NFUT-1SG собираться-PTCP.NEG
 (Потом на пенсию пошел и стал сидящим,) ‘...ничего не делаю.’
 (2007, Эконда, СН, Удыгир Виктор, 00:03:57.360)
- б. *...əkun-d’i=da ə-d’əŋō*
 что-INST-FOC NEG-PTCP.POST
bi-s’ō-n ulī-w-rə
 быть-PST-3SG кормить-PASS-PNEG
 (Тогда дети мои маленькие,) ‘не было возможности их хоть чем-нибудь накормить’ (букв.: им чем-нибудь накормиться).
 (2007, Эконда, СН, Панкагир Алексей, 00:08:41.965)

⁷ Конечные уточняющие группы частотны в устной речи вообще, в том числе в эвенкийских рассказах, ср. термин «анти-топик» (anti-topic) [Lambrecht, 1994, p. 202 et sqq.; Féry, 2007, p. 169–170] или «уточняющие определения» / «эхо-ЭДЕ» [Кибрик, Подлесская, 2006, с. 152–153].

⁸ Глосса NFUT обозначает небудущее время. Эта и некоторые другие глоссы типа DATLOC (дательный-локативный падеж) появились в результате разработки системы глоссирования (включая словообразовательные показатели) для корпуса устных рассказов на кетском, селькупском и эвенкийском языках (см.: Малые языки Сибири). Система разработана О. А. Казакевич, Ю. Е. Галяминой, Е. Л. Клячко, Н. К. Митрофановой и автором статьи. Она частично базируется на Лейпцигской системе глоссирования (<https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>) и приспособлена для того, чтобы ее можно было использовать для всех трех языков.

⁹ В квадратные скобки заключен топик/тема, а знаком || отделен уточняющий оборот, образующий отдельную интонационную составляющую (см. примеч. 7).

в. [*dəgi-l-wə=dā* *dundə-lī=dā*
 птица-PL-ACC=FOC земля-PROL=FOC
girkū-d'a-rī-l-wa *bulta-l-wa*
 ходить-IPFV-PTCP.SIM-PL-ACC добыча-PL-ACC
ə-wa=dā *ə-fkī* *hula-rə||*
 что-ACC=FOC NEG-PTCP.HAB оставить.за.собой-PTCP.NEG
 [*bəjŋō-wə=dā* *mōtī-wə=dā*
 дикий.олень ACC=FOC лось-ACC=FOC
 'Ни птиц [летучих], ни по земле ходящих зверей – ничего не оставляет:
 ни диких оленей, ни лосей.'
 (2007, Чиринда, СН, Елдогир Валентина, Сказка про волка, FM2,
 предложение 5)

г. *ə-pki* *ə-wa=dā* *gogo-ro*
 NEG-PTCP.HABIT что-ACC=FOC заяять-PTCP.NEG
 (Собаку-медвежатницу отправили выслеживать медведя. Собака не
 может найти медведя и спокойно стоит рядом.) 'Ни на кого не лает.'
 (Учами, ЮН, М. Бухарев, Медведь, предложение 36 (Лебедева, 1952))¹⁰

Приведем еще один пример синтаксического контекста, в котором коммуникативные факторы могут быть релевантны в меньшей степени, чем в главном, – это придаточное предложение, ср.: [Grenoble, 2000, p. 107]. Л. Гренобль говорит только о придаточных предложениях с причастными сказуемыми. В материалах нашего корпуса контексты с причастным сказуемым немногочисленны в связи с более частым употреблением финитного глагола в придаточном предложении в более поздних текстах [Колесникова, 1966, с. 171–172; Nedjalkov, 1997, p. 56–57; Grenoble, 2012, с. 103–104]. Финитные придаточные предложения вместо причастных стали употребляться сравнительно недавно, очевидно, под влиянием русского языка.

Что касается вопросительных конструкций, упоминаемых Л. Гренобль, в нашем корпусе рассказов вопросы немногочисленны, так что мы не располагаем достаточным материалом для каких-либо выводов. Кроме того, еще Г. М. Василевич отмечал, что даже в литературном языке в вопросительном предложении (частном вопросе) дополнение или обстоятельство, а также подлежащее могут стоять после фокусируемого глагола [Василевич, 1940, с. 143–144].

2. Порядок OV и VO в рассказе

Согласно работе [Кибрик, 2008, с. 135], в рассказе имеется два главных типа клауз (простых предложений): «собственно нарративные клаузы, передающие цепь упорядоченных во времени событий» и клаузы, обозначающие общие

¹⁰ Ср. пример, в котором неопределенное местоимение следует после отрицательного причастия (ii) – здесь фокусируется причастие *is-ta* 'достичь-PTCP.NEG' и неопределенное местоимение стоит после глагола (в соответствии с правилом инверсии, упоминаемом многими авторами, см. выше, и в том числе анонимным рецензентом, – это случай (1) во «Введении»):

(ii) *tar* *ə-d'ŋə* *dəg-rə* *is-ta*
 тот NEG-PTCP.POST лететь-PTCP.NEG достичь-PTCP..NEG
ə-wa=dā
 что-ACC=FOC
 (О глухаре) 'Не может улететь, долететь куда-нибудь.'
 (2007, Чиринда, СН, Елдогир Валентина, Сказка про росомеху, FM10, предложение 101)

В нашем корпусе в собственно нарративных клаузах преобладает порядок ОВ, хотя в каждом новом предложении вся группа сказуемого является фокусом, или ремой.

В рассказе Надежды Хадончиной (2005, Полигус, ЮН, LR1) говорится о том, как она с младшими братьями и сестрами потерялась, когда они одни отправились гулять в лес. Приведем часть повествования о том, как они бродили по лесу. Примеры (4, а, б) (до этого говорится о том, как дети, потерявшись в лесу, долго шли за собакой своих родителей) образуют смену темы. В (4, б) рему образуют и глагол, и прямое дополнение («нашли олененка») – о поиске оленей речи в рассказе не было, дети надеялись, что собака приведет их домой, – однако наблюдается порядок VO¹¹. «Несколько оленей» – уточнение, которое является отдельной уточняющей синтаксической группой: такие группы часто стоят не только после глагольной группы, но могут помещаться и в конец предложения, см. примеры (2, б) и (3, в).

- Далее идет повествование о том, как дети ходили в лесу и что они там делали. В (5, а–г) (где речь идет о Надежде) – предложениях с прямым дополнением – дополнение стоит перед глаголом (OV). При этом ни в одном из этих предложений нет специального фокусирования О или V; о том, что делала Надежда, сообщается в хронологической последовательности. Таким образом, в (5, а–г), как и в (4, б), ремой является сказуемое (OV), что особенно хорошо видно в (5, в–г). В этих контекстах наблюдается порядок слов OV, а не VO.

225

- (5) а. *ũčak-pi* *baka-Ø-m* [OV]
 верховой.олень-ACC.RFL найти-NFUT-1SG
 ‘Я нашла своего учака [верхового оленя].’
 (Там же, 00:02:42.022)
- б. *op'at'* *oro-r-wo* *haŋi-sin-ə-w* [OV]
 опять олень-PL-ACC следовать-INCEP-NFUT-1PL(EX)
 ‘Мы опять пошли, за оленями.’ (Младшие захотели спать.)
 (Там же, 00:02:48.541)
- в. *asĩkta-wa* *baka-Ø-m* || [OV]
 ель-ACC найти-NFUT-1SG
 [as= *mō-kākūn-mə* *həgdi-wə*]
 SLIP дерево-INTS-ACC большой-ACC
 ‘Я нашла елку, огромное дерево, большое.’ (Младшие заснули под елкой, куда их усадила Надежда.)
 (2005, Полигус, ЮН, Хадончина Надежда, Рассказ, LR1, 00:03:03.887)
- г. *hokto-ja* *gəlāktə-nō-sinə-Ø-m* [OV]
 дорога-PART искать-PRGRN-INCEP-NFUT-1SG
 ‘Я пошла дорогу искать.’ (Далее рассказывается о том, как нашли младших детей и как после этого нашли Надежду.)
 (Там же, 00:03:17.245)

В следующем отрывке Елдогир Валентина (2007, Чиринда, СН, LR1) рассказывает о своем отце, его родителях, о том, как он рос. В текст вставлены отрывки о его старшей сестре Ирине Васильевне. При характеристике Ирины Васильевны (6, а, б) рассказчица отклоняется от основной линии рассказа; (6, б) служит аргументом, подкрепляющим (6, а) (о том, что Ирина Васильевна была сильной женщиной). Оба предложения коммуникативно выделяются в дискурсе: после (6, б) в рассказе идет еще одно почти идентичное (6, б) предложение с тем же порядком слов (OV). В (6, б) дополнение стоит после глагола (VO), и в этом предложении рема – сказуемое, как в (4, б) (случай (2)), – результат эмфатической инверсии при эмфатическом выделении всей группы сказуемого.

Далее говорится о том, как отец Валентины и его брат выросли и научились охотиться (в режиме нарратива), а потом опять говорится про его старшую сестру Ирину Васильевну, ср. (6, в, г). Клаузы (6, в, г) вписываются в нарративный тип текста, поскольку, хотя только эти два предложения касаются сестры, они представляют перечисление последовательных событий. В (6, г) мы видим порядок OV. Это частичный повтор уже известной из (6, б) информации. Ремой в (6, г) является все сказуемое, как и в (6, б), хотя сказуемое OV коммуникативно не так сильно выделено, как в (6, б). Данный отрывок показывает, что порядок VO используется при эмфатическом выделении всего сказуемого и/или в предложении, выпадающем из последовательности нарративных клауз.

- (6) а. *hō* *atirkān* *bi-sō-n*
 сильный (высокая степень признака) старуха быть-PST-3SG
 ‘Сильная старуха была.’
 (2007, Чиринда, СН, Елдогир Валентина, LR1, 00:01:17.370)
- б. *tar* *irgi-so* *nəkni-l-bi* [VO]
 тот воспитать-PTCP.ANT младший.сиблинг-PL-ACC.RFL
 ‘Она воспитала своих младший братьев.’ (Предложение, почти идентичное (6, б), повторяется еще раз.)
 (Там же, 00:01:19.430)

в. *əḱīn-tin=da* *əḱīn-tin*
старшая.сестра-PS.3PL=FOC старшая.сестра-PS.3PL
mirən-ə-n
выйти.замуж-NFUT-3SG
‘Их старшая сестра [Ирина Васильевна] вышла замуж.’
(2007, Чиринда, СН, Елдогир Валентина, LR1, 00:02:21.810)

г. *fs'o rawno mirə-kōnəm=da* [OV]
все равно выйти.замуж-CVB.ANT=FOC
nəkni-l-bi *irgī-t-ča-wkī*
младший.сиблинг-PL-ACC.RFL воспитать-DUR-IPFV-PTCP.HABIT
‘Все равно, выйдя замуж, младших братьев воспитывает.’
(Там же, 00:02:27.200)

В рассказе Василия Андреева (2007, Стрелка, ЮН, Рассказ о лисице) в клаузах, повествующих о последовательных событиях, представлен преимущественно порядок OV. Порядок VO встречается только в нескольких предложениях. Например, когда отец Василия на несколько дней ушел в поселок за едой и оставил свою семью ждать его в заснеженном чуме, Василий стал постоянно слышать звон колокольчика снаружи чума. Он и его мама долго прислушивались, наконец, мама выглянула из чума и увидела лисицу, которая от голода стала, бегая, грызть веревку от колокольчика, а колокольчик волочился сзади. В (7, а), где в первый раз рассказывается о том, что лисица волочит колокольчик, представлен порядок VO, а в следующем предложении (7, б) – порядок OV. Соответственно в (7, а) можно говорить о большем коммуникативном выделении сказуемого-ремы, чем в (7, б)¹².

В последних предложениях рассказа Василий делает вывод о свойстве человеческого ума – эти предложения не укладываются в нарратив, и тут (7, в) наблюдается порядок VO, а не OV, хотя ремой является все сказуемое (VO).

(7) а. *nuŋan* *irū-ktə-d'ə-rə-n* *kəŋgilōn-mə*
3SG волочить-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG колокольчик-ACC
(Мама видит: лисица из-за нашего чума выскочила.) ‘Она волочит за собой колокольчик.’
(2007, Стрелка, ЮН, Андреев Василий, Рассказ о лисице, 00:06:28.219)

б. *kəŋgilōn* *irū-ktə-d'ə-rə-n* *ətə*
колокольчик волочить-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG это
tik-ča-dū *tuliyida-dū-wun*
упасть-PTCP.ANT-DATLOC место.снаружи-DATLOC-PS.1PL(EX)
‘Колокольчик волочит снаружи по нападавшему’ (снегу).
(Там же, 00:06:31.462)

в. *hujukūn-duk-pī* *d'on-čə-d'ə-rə-n* [VO]
маленький-ABL-RFL запомнить-STAT-IPFV-NFUT-3SG
mən-ŋī-wī *bodo-wī*
RFL-PROPR-ACC.RFL жизнь-ACC.RFL
(Человеческий ум такой,) ‘с детства помнит свою жизнь.’
(Там же, 00:07:23.215)

¹² В (7, б) у О *kəŋgilōn* ‘колокольчик’ опущен показатель винительного ACC. Согласно [Василевич, 1948, с. 129], в устной речи во многих говорах в начале XX в. было возможно неоформленное падежным показателем прямое дополнение (О). В текстах нашего корпуса подобные примеры единичны.

Таким образом, было показано, что в рассказе порядок VO вместо OV появляется в коммуникативно выделенных или выпадающих из общего повествования предложениях. Однако в этих случаях отсутствует фокусирование O или V по отдельности. Это мы называем случаем (2). Предложение, не вписанное в повествование или в текущий дискурс, считается коммуникативно выделенным, что вызывает инверсию OV → VO. Этим может объясняться полевой материал Л. Гренобль, о котором говорилось выше: на вопрос «Что случилось?» носители дают ответ с порядком SVO, а не SOV.

Теперь рассмотрим пример на случай (3) – фокусирование O (см. примеч. 11).

При рассказе очень пожилой (1917 г. р.) рассказчицы Комбагир Анны (2007, Эконда, СН) о раскулачивании и о том, как отбирали оленей, Анна сказала, что сначала «у кулаков оленей взяли тысячи», а затем на вопрос молодой переводчицы, что было потом, ответила предложением (8) с порядком VO. Здесь есть противопоставление «тысячи оленей» и *usta-wa-n* «всех» (оленей), так что O контрастно выделено. Однако *usta-wa-n* стоит в постглагольной, а не начальной позиции – это отклонение от правила вынесения фокусируемого слова в начало предложения, предлагаемого И. В. Недялковым (см. примеч. 11)¹³ и указывает на возможность постановки фокусируемого O после V [Колесникова, 1966, с. 185]. И. В. Недялков утверждает, что аргумент в постглагольной позиции может только входить в фоновую информацию, а не фокусироваться. Мы тут видим влияние порядка слов в русском языке (с постглагольным фокусом) на эвенкийский порядок слов.

- (8) *taduk ga-wkī-l usta-wa-n*
 потом взять-PTCP.HABIT-PL весь-ACC-PS.3SG
 ‘Потом взяли всех’ (оленей).
 (2007, Эконда, СН, Комбагир Анна, 00:01:49.306)

Мы не рассматриваем отдельно материал диалогов: в нашем корпусе диалог представлен очень ограниченно.

3. Порядок VO в рассказе в нарративных (обозначающих последовательные или перечисляемые события) клаузах

Рассмотрим несколько контекстов из рассказов жителей сел, в которых по результатам исследования [Рудницкая, 2016а; 2016б] отдельные грамматические категории редуцировались или испытали влияние русского языка: например, Тура, Сым, Белый Яр (см. примеч. 6). Рассказчики из села Сым частично утратили компетенцию построения отрицательных конструкций. В селах Сым (ЮН), Белый Яр (ЮН), Тура (СН), Кислокан (СН) и других эвенки употребляют ограниченный набор финитных форм глагола. Использование имеющихся в языке нефинитных форм глагола, аспектуальных аффиксов и частиц в рассказах ограничено наиболее частотными.

Тем не менее закономерности порядка слов OV vs VO, перечисленные выше (см. § 2), соблюдаются почти во всех рассказах¹⁴. Например, их соблюдает Удыгир Валентина (2008, Кислокан, СН) или Турская Минна (2011, Хантайское Озеро, СН) и другие рассказчики: порядок VO встречается в их речи при отклонениях

¹³ Примеры с начальной позицией O при его фокусировании приводятся в работе [Nedjalkov, 1997, p. 129–130], а в нашем корпусе, если они и есть, их немного; В. Д. Колесникова приводит пример начальной позиции при фокусировании не для прямого, а для дативного дополнения со значением направления – «на оленя» [Колесникова, 1966, с. 185].

¹⁴ Случаи императивной конструкции в рассказах, в частности, из Туры, Сыма и Белого Яра не были найдены.

от повествования о последовательных событиях, или при коммуникативном выделении ситуации, обозначаемой VO, или автономном фокусировании O/V.

В речи отдельных рассказчиков отмечены случаи порядка VO, которые трудно объяснить коммуникативным выделением или выпадением предложения из «нарратива по А. А. Кибрику». Приведем несколько примеров из рассказа Увачан Инны, самой молодой из рассказчиц 2005–2011 гг., 1969 г. р., из Тутончан (СН). Инна выросла в тайге. В (9, а, б) нам не удалось, исходя из контекста, обнаружить особое фокусное выделение O или V или специальное коммуникативное выделение VO. (9, а) – фрагмент рассказа о том, как проходит жизнь семьи Инны в течение года в настоящее время; (9, б) – фрагмент рассказа о том, как проходило детство Инны.

- (9) а. ...*gəŋa-pkɪ-l* *d'aptyli-l-wəɾ* [VO]
сходить.за-PTCP.HABIT-PL продукт-PL-ACC.RFL.PL
(Муж Инны почти весь год охотится, а она живет в селе. Ее отец хочет на время съездить в тайгу. Охотники – друзья из тайги собираются забрать отца в сентябре. А потом они приезжают сюда в сентябре, на оленях приезжают,) ‘забирают продукты.’
(2008, Тутончаны, СН, Увачан Инна, 00:06:10.140)

- б. *tap-d'a-rə-w* *diktə-jə* [VO]
собрать-IPFV-NFUT-1PL(EX) ягода-PART
əmə-wu-ŋnə-rə-w *siksɪŋa-l-wə...* [VO]
прийти-TR-HAB-NFUT-1PL(EX) брусника-PL-ACC
(Когда осень наступала, мы – детей было много – ягоду ходили собирать далеко.) ‘Мы собирали ягоду, приносили, бруснику’
(это брусника).
(Там же, 00:11:29.700)

В случае нескольких сочиненных прямых объектов (в рассказах обычно используется бессоюзное сочинение: OO...V/VOO...) можно заметить, что у тех рассказчиков, речь которых в большей степени подвержена влиянию русского языка [Grenoble, 2000, p. 107 et sqq.; 2012, с. 201–205] и меньше сохраняет морфосинтаксические характеристики эвенкийского языка, сочиненные прямые объекты ставятся после глагола (10, а), а у более пожилых рассказчиков, лучше сохранивших языковую компетенцию, сочиненные члены остаются перед глаголом (10, б).

- (10) а. *d'əb-dō-wi* *olro-l-wo* *ūrə-wə* [VOO]
есть-CVB.PURP-RFL рыба-PL-ACC мясо-ACC.
(Боярин Гергий и его друзья вскормили орленка, который плохо летал и упал в воду, и отпустили его, но он их не забыл... Утром прилетает,) ‘чтобы поесть рыбу, мясо.’
(2009, Сым, ЮН, Боярин Георгий, L_R3, 00:01:38.410)

- б. [[*bəjə* *d'əfsamda-l-o-n*] [OOV]
человек.мужчина обьедок-PL-PART-PS.3SG
giramda-mī-l-a] *d'əwu-wkɪ* *o-d'əŋā-s*
кость-PEJOR-PL-PART съест-PTCP.HABIT стать-FUT-2PL
(Бог рассказывает собаке, что ее ждет за рассказ Сатане о том, что Бог делает людей.) ‘Будешь есть обьедки человека, кости.’¹⁵
(2007, Чиринда, СН, Елдогир Валентина, Сказка о собаке, FM1, предложение 67)

¹⁵ Конструкция с *o-d'əŋā-* ‘стать-FUT-’, которая тут переводится как «Будешь...», употребляется несколько раз, и в остальных предложениях V также стоит в конце.

Аналогичные предложения с VOO... в случае сочиненных членов также есть у Лапуко Геннадия (2008, Тура, СН), Ивигина Владимира (2009, Сым, ЮН), Богдановой Тамары (2011, Потапово, СН).

Выводы

В настоящей статье рассмотрена проблема порядка слов (S)OV/(S)VO в эвенкийском языке. Были подобраны синтаксические контексты (императив, отрицательный глагол с неопределенным местоимением), в которых преобладает порядок OV. Рассмотрены жанры рассказа и диалога, и показано, что порядок VO появляется не только в случае фокусирования глагола или прямого дополнения, но и при коммуникативном выделении всего сказуемого (V + O), а также если предложение входит в рассказ, но не является собственно нарративным. Некоторые рассказчики используют порядок VO и в нарративных клаузах, особенно при наличии нескольких сочиненных дополнений. Такие факты свидетельствуют о маркированности порядка VO, но также и о достаточно широкой сфере употребления этого порядка, по крайней мере в устной речи. Кроме того, выбор порядка OV или VO зависит от дискурсивных факторов и, в частности, от дискурсивного статуса клаузы в рассказе (§ 2), что затрудняет выделение базового порядка слов OV, из которого альтернативный порядок VO выводится с помощью каких-то формальных преобразований или только под влиянием факторов актуального членения. На наш взгляд, можно говорить о том, что в устном эвенкийском языке, в частности под влиянием русского языка, есть тенденция к замене одного базового порядка (OV) двумя альтернативными порядками (OV и VO).

Благодарим Е. Л. Клячко за предоставление текстов, информации о рассказчиках и за помощь по разбору отдельных предложений, а также анонимных рецензентов и редколлегию «Сибирского филологического журнала» за ценные замечания и редакторскую правку.

Список литературы

- Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1. Новосибирск: Гео, 2000. 503 с.
- Василевич Г. М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940. 195 с.
- Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1948. 356 с.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИС, 1958. 802 с.
- Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Исследования по теории грамматики. Грамматические категории в дискурсе / Под ред. В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманичевой. М.: Индрик, 2008. С. 99–134.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования / Под ред. В. Д. Соловьева. Т. 1. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. С. 138–158.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968. С. 68–87.
- Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
- Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. URL: <http://www.diclemedicaljournal.com/index.php/list/7-slovar-lingvisticheskikh-terminov/2,%D0%AD.xhtml> (дата обращения 05.04.2017).

Рудницкая Е. Л. Количественные значения в глагольных конструкциях эвенкийского языка на материале устных рассказов 2005–2011 гг. // Урало-Алтайские исследования. 2016а. Т. 21, № 2. С. 118–130.

Рудницкая Е. Л. Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере фокусных частиц // Родной язык. 2016б. № 2(5). С. 113–142.

Суник О. П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Посессивный строй предложения. Л.: Учпедгиз, 1947. 202 с.

Féry C. Information structure notions and the fallacy of invariant correlates // Working Papers of the SFB 632\6. Interdisciplinary Studies on Information Structure / Eds. C. Féry, G. Fanselow, M. Krifka. Potsdam: Potsdamuniversität Verl., 2007. P. 161–184.

Göksel A. Flexible word order and structure of the clause // SOAS Studies in Linguistics. 2013. No 16. P. 2–25.

Grenoble L. A. The impact of Russian on Evenki // Languages in Contact / Eds. D. Gilbers, J. A. Nerbonne, J. Schaeken. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2000. P. 104–120.

Grenoble L. A. Areal typology and semantic change // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 1(116). С. 101–105.

Holmberg A. Deriving OV order in Finnish // The Derivation of VO and OV / Ed. by P. Svenonius. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 123–152.

Kiss K. É., Asztalos E. Discourse-motivated word-order variation in Udmurt // OLINKO-2016, June 9–11, 2016. Book of Abstracts. Olomouc: Palacký Univ., 2016. P. 51–52.

Lambrecht K. Information Structure and Sentence form: Topic, Focus and the Mental Representations of Discourse Referents. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 388 p.

Nedjalkov I. Evenki // Typological Studies in Negation / Ed. by P. Kahren, R. van der Berg. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 1–34.

Nedjalkov I. Evenki. London; New York: Routledge, 1997. 366 p.

Testelec Ya. Word order variations in some SOV languages in Europe // Constituent Order in the Languages of Europe / Ed. by A. Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 649–680.

Vilkuna M. Word order in European Uralic // Constituent Order in the Languages of Europe / Ed. by A. Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 173–234.

Zimmerling A., Lyutikova E. Approaching V2: verb second and verb movement // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Сб. по материалам конф. «Диалог». М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2015. Т. 14. С. 663–676.

Список источников

Лебедева Е. П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. // Архив ИЛИ РАН. С. 1010707–1010716; С. 1010206–1010562.

Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/> (эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко с участием Н. К. Митрофановой).

Список условных обозначений

1, 2, 3 – личные аффиксы 1-го, 2-го, 3-го лица; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккумулятив; **ADVZ** – показатель адвербиализации; **ANT** – (причастие) предшествования;

ATR – атрибутив; **ATTEN** – аттенуатив; **CVB** – конверб; **DATLOC** – датив-локатив; **DISTR** – дистрибутив; **DSPRS** – дисперсив; **DUR** – дуратив; **EX** – эксклюзивное (местоимение); **FOC** – фокус; **FUT** – будущее (время); **HAB** – хабитуалис; **HABIT** – (причастие) хабитуальное (обычное); **IMP** – императив; **INCEP** – инцептив; **IN** – инклюзивное (местоимение); **INDEF** – неопределенное (местоимение); **INST** – инструменталис; **INTS** – интенсификатор; **IPFV** – имперфектив; **NEG** – отрицание; **NFUT** – небудущее (время); **NMLZ** – показатель номинализации; **O** – объект; **PART** – партитив; **PASS** – пассив; **PEJOR** – пейоратив; **PL** – множественное число; **POST** – (причастие) следования; **PRGRN** – перигри-натив; **PROL** – пролатив; **PROPR** – показатель отчуждаемой принадлежности ($\approx$ генитив); **PS** – посессивный (аффикс); **PST** – прошедшее (время); **PTCP** – причастие; **PURP** – (конверб) цели; **RFL** – рефлексив; **S** – субъект; **SG** – единственное число; **SIM** – (конверб) одновременности; **SLIP** – оговорка; **TR** – показатель транзитивизации; **V** – глагол; **ЭДЕ** – элементарные дискурсивные единицы; **Ø** – нулевая морфема с определенным грамматическим значением, выделяемым на основе парадигматических соображений.

E. L. Rudnitskaya

*Institute of oriental studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation, erudnitskaya@gmail.com*

Word order (verb and direct object) in oral stories in Evenki

The paper concentrates on the word order in Evenki, in particular, in the verb phrase: verb (V) and direct object (O). The original order of V and O in Evenki (an Altaic language) is OV. This word order was rather strict at the beginning of the 20th century. Since then, the word order has continually been getting more and more variable. Based on spontaneous oral stories recorded at the beginning of the 21st century, we compare contexts with OV and with VO and try to formulate conditions, under which each of the orders is preferred. According to the authors of grammars and monographs on Evenki and Evenki syntax, the VO order emerges in case of focus or emphasis on V or on O. Alternatively, V or O can be focalized by focus particles =dV̄, =kA, etc. Our results partially support those claims. When V is focused, it is often placed close to the beginning of the sentence, and its arguments, including O, are post-verbal. When O is contrastively focalized, it can follow V. If V or O are focalized, focalizing particles can be added to them. There are, however, other cases of VO that can be found in a story (narrative). When the narrator just lists sequential events, the OV order is used. The VO order is used when the sequence of event is broken because of a turning point in the development of the plot, or because the narrator retreats from the main line of the story, or in concluding sentences that do not belong to the narrative itself. These cases do not fall under the focusing O/V explanation mentioned above. Also, if the whole predicate (the whole V + O constituent) is emphasized, the VO order is preferred. We list examples supporting the rules mentioned. These rules are consistent with a discourse-oriented approach rather than with a derivational approach, in which OV would be regarded as basic, whereas each case of VO would be derivable from OV based on grammatical or information structure rules. So we conclude that a shift to two word orders (OV (unmarked) and VO (marked)) is emerging in the spoken language. We have also mentioned some other shifts to VO order in the narrative in the speech of young narrators.

Keywords: word order, oral speech, narration, focusing, discourse prominence, information structure, Evenki.

DOI 10.17223/18137083/62/15

References

Boldyrev B. V. *Evenkiysko-russkiy slovar'. Ch. 1* [Evenki-Russian dictionary. Pt 1]. Novosibirsk, Geo, 2000, 503 p.

- Féry C. Information structure notions and the fallacy of invariant correlates. In: *Working Papers of the SFB 632/6, Interdisciplinary studies on information structure*. C. Féry, G. Fanselow, M. Krifka (Eds). Potsdam, Potsdamuniversität Verl., 2007, pp. 161–184.
- Göksel A. Flexible word order and structure of the clause. In: *SOAS Studies in Linguistics*. 2013, no. 16, pp. 2–25.
- Grenoble L. A. The impact of Russian on Evenki. In: *Languages in contact*. D. Gilbers, J. A. Nerbonne, J. Schaeken (Eds). Amsterdam, Atlanta, GA, Rodopi, 2000, pp. 104–120.
- Grenoble L. A. Areal typology and semantic change. In: *Tomsk State Pedagogical Univ. Bulletin*. no. 1(116), 2012, pp. 101–105.
- Holmberg A. Deriving OV order in Finnish. In: *The derivation of VO and OV*. P. Svenonius (Ed.). Philadelphia, Amsterdam, John Benjamins, 2000, pp. 123–152.
- Kibrik A. A. Finitnost' i diskursivnaya funktsiya klauzy (na primere karachaevo-balkarskogo yazyka) [Finiteness and the discursive function of the clause (on the example of the Kara-Tchaikovo-Balkar language)]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki. Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies in the theory of grammar. Grammar categories in discourse]. V. A. Plungyan, A. Yu. Urmanicheva (Eds). Moscow, Indrik, pp. 99–134.
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Problema segmentatsii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryashchego [The problem of a spoken discourse segmentation and the cognitive system of the speaker]. In: *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive studies]. V. D. Solov'ev (Ed.). Moscow, Institute of Psychology RAS, 2006, vol. 1, pp. 138–158.
- Kiss K. É., Asztalos E. Discourse-motivated word-order variation in Udmurt. In: *OLINKO-2016, June 9–11, 2016. Book of Abstracts*. Olomouc, Palacký Univ., 2016, pp. 51–52.
- Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Nauka, 1964, 272 p.
- Konstantinova O. A. Evenkiyskiy yazyk [The Evenki language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. 5* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. 5]. 1968, pp. 68–87.
- Kolesnikova V. D. *Sintaksis evenkiyskogo yazyka* [The syntax of Evenki]. Moscow, Nauka, 1966, 247 p.
- Lambrecht K. *Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus and the mental representations of discourse referents*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1994, 388 p.
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990.
- Myreeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 798 p.
- Nedjalkov I. Evenki. In: *Typological studies in negation*. P. Kahren, R. van der Berg (Eds). Philadelphia, Amsterdam, John Benjamins, 1994, pp. 1–34.
- Nedjalkov I. *Evenki*. London, New York, Routledge, 1997, 366 p.
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [The dictionary and reference-book of linguistic terminology]. Moscow, Prosveschenie, 1976. URL: <http://www.dicmedicaljournal.com/index.php/list/7-slovar-lingvisticheskikh-terminov/2,%D0%AD.xhtml> (accessed 05.04.2017).
- Rudnitskaya E. L. Kolichestvennye znacheniya v glagol'nykh konstruktivnykh evenkiyskogo yazyka na materiale ustnykh rasskazov 2005–2011 gg. [Quantitative meanings in verb constructions in Evenki based on oral stories in 2005–2011]. In: *Ural-Altaic Studies*. 2016a, vol. 21, no. 2, pp. 118–130.
- Rudnitskaya E. L. Osobennosti upotrebleniya grammaticheskikh sredstv v evenkiyskom yazyke v ustnykh rasskazakh 2005–2011 gg. na primere fokusnykh chastits [Distinctive features of the use of Evenki grammatical devices in oral stories 2005–2011 on the example of focus particles]. *Rodnoy Yazyk*. 2016b, no. 2(5), pp. 113–142.
- Sunik O. P. *Ocherki po sintaksisu tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Possessivnyy stroy predlozheniya* [Essays on the syntax of Tungusic and Manchu languages. The possessive structure of the sentence]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 202 p.
- Testelec Ya. Word order variations in some SOV languages in Europe. In: *Constituent order in the languages of Europe*. A. Siewierska (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 649–680.
- Vasilevich G. M. *Ocherki grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on the grammar of Evenki (Tungusic) language]. Leningrad, 1940, 195 p.
- Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on dialects of the Evenki (Tungusic) language]. Leningrad, Gosuchpedgiz, 1948, 356 p.

Vasilevich G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow, GIS, 1958, 802 p.

Vilkuna M. Word order in European Uralic. In: *Constituent order in the languages of Europe*. A. Siewierska (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 173–234.

Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. Approaching V2: verb second and verb movement. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Sbornik po materialam konferentsii "Dialog". T. 14* [Computational linguistics and intelligent technologies. Proceedings of the "Dialogue" conference. Vol. 14]. Moscow, RSHU, 2015, pp. 663–676.

List of sources

Lebedeva E. P. Teksty na evenkiyskom yazyke, zapisannye v ekspeditsii 1952 g. [Evenki texts recorded in an expedition in 1952]. In: *Arkhiv ILI RAN* [the archive of ILI RAN]. Pp. 1010707–1010716; pp. 1010206–1010562.

Malye yazyki Sibiri: nashe kul'turnoe nasledie [Extinct languages of Siberia: our cultural heritage]. URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/> (the Evenki texts are prepared by E. L. Klyachko with participation of N. K. Mitrofanova).